

НОРМАН Б.Ю.

г. Минск, Беларусь

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-04

ФОРМАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ СЛОВ КАК СТИМУЛ (ДВИГАТЕЛЬ) ТЕКСТОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Процесс производства текста (речепорождение) включает в себя повтор тех или иных уже использованных говорящим языковых средств. Наиболее очевидно это в случае с повтором слова. Анализируются некоторые типы фразеологизованных синтаксических моделей (фразем), основанных на повторении слова. Однако говорящий находится также под влиянием звуковой (и буквенной) структуры уже выбранных слов. В статье приводятся многочисленные примеры из русской художественной литературы и газетных текстов, демонстрирующих роль формальных ассоциаций в речевой деятельности говорящего (*лишний – личный, банк – банка* и т.п.). Делается вывод о различной степени осознанности (контролируемости) данного процесса в сознании.

Ключевые слова: говорящий, формальные ассоциации, производство текста, выбор слова, повтор, паронимия, паронимазия

NORMAN B.YU.

Minsk, Belarus

FORMAL ASSOCIATIONS AS A STIMULUS (ENGINE) OF TEXT PRODUCTION

Abstract. The process of text production (speaking) includes the repetition of certain linguistic means already used by the speaker. This is most obvious in the case of the repetition of the word. Some types of phraseologized syntactic models (phrasemes) based on the word reduplication are analyzed. However, the speaker is also influenced by the sound (and letter) structure of the words already selected. The article provides numerous examples from Russian fiction and newspaper texts demonstrating the role of formal associations in the speaker's speech activity (*лишний – личный, банк – банка*, etc.). The conclusion is drawn about the varying degrees of awareness (controllability) of this process in the mind.

Keywords: speaker, formal associations, text production, word choice, repetition, paronyms, paronomasia

Процесс порождения текста, начинающийся с интенции и замысла, использует механизмы, уже наработанные и закрепленные в грамматике говорящего. Речь идет прежде всего о выборе синтаксических конструкций и лексических единиц. И те, и другие вносят весомый вклад в копилку общего смысла будущего высказывания. Дискуссии ведутся только о том, что выбирается в сознании раньше: синтаксическая ли схема заполняется определенными лексемами или же выбираемые слова «приносят с собой» элементы синтаксической организации и предопределяют строение целого высказывания (см.: [Лурия 1975: 31-40; Ушакова 1989: 79-96; Леонтьев 2003: 110-122; Bordag 2005] и др.).

Процесс выбора языковой единицы активизирует определенный участок нейрофизиологической сети головного мозга, и это возбуждение некоторое время сохраняется – уже после того, как единица, обретя линейный вид, поступает на выход речевого аппарата. И вот эта инерция мыслительной деятельности, вкупе с моторной «памятью» органов речи, способствует тому, чтобы говорящий повторно задействовал уже использованную языковую единицу. В качестве такого редупликанта может выступать словоформа, часть слова или целое слово, синтаксическая конструкция и т.п. В грамматике хорошо известно явление синтаксического параллелизма – когда следующее предложение стоит по образцу предыдущего (а иногда на применении такого последовательного повтора основано целое произведение, см.: [Якобсон 1983: 462-469]). Многократно описывалась также роль лексических повторов, особенно в диалогическом тексте, см.: [Шведова 1956; Норман 2009] и др.

Действительно, в русском языке есть большое количество «тавтологических» выражений, которые сегодня воспринимаются уже целиком, но в принципе основаны именно на повторе лексемы. Это *друг друга, со дня на день, из рук в руки, в конце концов, раз за разом, что в лоб, что по лбу* и т.п. Тот же прием лексической редупликации можно усматривать во многих по-

словицах и поговорках: *Рыбак рыбака видит издалека; От добра добра не ищут; Гора с горой не сходится...* и т.д. Эстетическая их ценность несомненна, а лингвистический анализ требует обращения к теории референции, и мы его здесь оставим в стороне.

Кроме фразеологизмов и паремий, структурную основу которых составляет повтор лексемы, существуют еще фразеологизованные синтаксические модели, или фраземы. Среди этих, так сказать, полуфабрикатов для речевой деятельности, также немало единиц, включающих в себя повторение слова. А именно: у говорящего (и у слушающего) в голове содержится структурная схема, и при заполнении ее позиций одной и той же лексемой автоматически получается нужный смысл. Приведем образцы реализации таких фразем в русском языке: *всем пирогам пирог; праздник не в праздник; понедельник так понедельник; лес как лес; есть компромиссы и компромиссы* и т.п. [Копотев 2008: 124-126]. Рассмотрим подробнее некоторые из моделей.

За формулой $N_{nom} N_{instr}$ (с повтором имени, но уже в творительном падеже) скрываются фактически две модели, каждая – со своими условиями употребления, своим смыслом и коммуникативной функцией.

В первом случае оборот выступает в качестве самодостаточного предиката: он обозначает высшую степень какого-то свойства. Фразеологизация этой модели очевидна в примерах типа *дурак дураком, бревно бревном, свинья свиньей*. Но за их пределами выясняется, что лексическое заполнение двух позиций характеризуется определенной степенью свободы, ср.:

...В современной жизни дед смыслил настолько мало, что тоже не мог сообщить ничего полезного, поэтому они относились к нему безучастно: **старичок старичком** (Ю.Трифонов. Обмен).

Дом стоял как стоял, четырехэтажный король-корабль среди одноэтажных дровяных бараков. **Трущоба трущобой** (Л. Улицкая. Цю-юрихь).

Вторая функциональная разновидность модели $N_{nom} N_{instr}$ используется в составе противительных конструкций. Она пред-

ставляет собой тезис, которому в следующей части фразы будет противопоставлен антитезис. Поэтому модель целесообразно представить в полном виде с участием противительного союза, как $N_{\text{ном}} N_{\text{instr}}, a$ (*но*)... Приведем литературные примеры:

Знаете что, товарищи, – сказал Ключкин, – **война войной, а обед обедом**. Не пора ли нам браться за макароны? (В. Пьецух. Потоп).

Мифы мифами, но каждый миф время от времени иллюстрируется жизненными реалиями (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Привидения привидениями, но трава у калитки была приямта вполне материально (Т. Устинова. Хроника гнусных времен).

Еще одна фразеологизованная синтаксическая модель – *N не N* (где *N* – чаще всего существительное, но возможны в этой позиции и другие части речи) – удобна для обозначения ситуации, в которой говорящий колеблется в выборе слова. И конструкция с интерлексемным отрицанием свидетельствует о приближенности выбранной номинации.

Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у «Метрополя», был еще при этом какой-то **актер не актер**... с патефоном в чемоданчике (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фима ежился. **Зависть не зависть**, но нечто болезненное шевелилось в душе (Л. Улицкая. Веселые похороны).

В начале 70-х годов в моей тогдашней компании была популярна такая штука – **тест не тест, игра не игра** (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Придумал я некий провинциальный город – **Глупов не Глупов**, а, ну, скажем, Верхнефедератск, где почти все как в натуре... (В. Шендерович. Куклиада).

Эта же фразеологизованная модель может использоваться для обозначения экзистенциальной альтернативы, означая: “*N* или существует, или не существует”. Оба варианта для говорящего несущественны:

...**Метель не метель, ураган – не ураган**, научные исследования можно и отложить, – а вот без радиосвязи остаться никак

невозможно (М. Веллер. Легенды Невского проспекта). Здесь перед нами не сомнение в выборе названия, а альтернатива событий: “то ли есть метель, то ли нет”. Говорящий сопоставляет не номинации, а сами референты (денотаты).

«Отрицание» уже употребленного существительного сопоставимо с повторяющимся через отрицание глаголом в императивной форме. Только на сей раз мы опять получаем иной, очередной смысл: скепсис и безысходность. Скажем, *пиши не пиши* значит: “будешь ты писать, или нет – все равно: ничего не изменится”. Примеры из текстов:

Видеть себя в роли первого зама было приятно, хотя была в этой картинке какая-то насмешечка: **вертись не вертись**, ну куда не позвонишь, а все будет так (Д. Гранин. Картина).

Вы верите? Вот и он не верит, но доказать, что ценой дозволенного бегства могли стать несколько тысяч рублей, конечно, не может. Тут **декларируй не декларируй** доходы, проблему не преодолеть («Московские новости». 2006. № 45).

Каждый тип фразеологизованных синтаксических моделей достоин подробного рассмотрения и соответствующего семиологического и культурологического комментария.

Взаимодействие единиц синтаксического и лексического уровней находится более или менее под контролем сознания. Однако параллельно с проработкой синтаксической структуры и выбором конкретных лексем происходит «теневая» (фоновая) работа остальных уровней языковой системы. Запущенный механизм текстопроизводства активирует сеть формальных (звуко-буквенных) связей в сознании. Проявления этого участия формальных единиц в процессе построения текста многочисленны и многообразны, так же как различна степень этого участия: она зависит от условий речевого акта, личности говорящего, выбранного жанра и т.п.

Далее мы сконцентрируем внимание именно на особой роли формального фактора в производстве (порождении) текста. Речь идет о фонетических и графических корреспонденциях, связывающих языковые единицы в нашем сознании. На практике это проявляется в том, что звуко-буквенный состав уже выбранных

говорящим языковых единиц влияет на выбор последующих единиц. Получается, что нейрофизиологическая инерция обобщается своего рода подсказкой для речемыслительного механизма: выбранный формальный образ наводит говорящего на следующую лексему.

Но, что еще важнее, это влияние корректирует или даже определяет содержательную тактику речи говорящего, провоцирует неожиданные повороты сюжета. В каком-то смысле это факты, о которых основатель герменевтики немецкий философ Х.-Г. Гадамер афористически высказался так: «Скорей язык говорит нами, чем мы говорим языком» [Gadamer 1975: 439]. Весьма интересны проявления фонетических корреспонденций во фразеологии, в фольклоре, в художественных текстах – они свидетельствуют о глубине этих психологически и эстетически естественных корреспонденций. Проще всего показать это на паремиях, которые имеют рифмованный характер [Норман 2004: 250-251]. Об участии ритма и рифмы в паремиях писал еще Владимир Даль в предисловии к своему собранию русских пословиц, см.: [Даль 1957:23-26]. Рифма как частный случай созвучия (частичного повтора слова), несомненно, усиливает эстетический эффект паремии, но при этом сводит к минимуму роль логики, естественного порядка вещей. Достаточно вспомнить такие примеры, как *Всякой гадине по виноградине; Муж и жена одна сатана; Подарѣи уехал в Париж; Яков лаком, съел кошку с маком; Половина страстей с костей; Счастлив как чернослив* и т.п. (все примеры – из [Даль 1957]), в которых трудно увидеть иную мотивировку, кроме формального сходства слов.

Правда, в советской науке объяснение образования паремий через созвучие слов в их составе долгое время не приветствовалось, а считалось признаком неогумбольдтианства. Как известно, Л. Вайсгербер объяснял появление немецких пословиц типа *Würden sind Bürden* («Почести – это тяготы») действием рифмы и за это, да и за другие грехи, подвергался критике как пособник «националистов и реваншистов» [Ермолаева 1960: 85]. Но в реальности фонетический фактор в «лингвистике креатива» играет весьма важную роль.

Нам уже приходилось приводить пример с латинским афоризмом *Amicus Plato, sed magis amica veritas*. На русский язык он переводится обычно как *Платон мне друг, но истина дороже*. Почему «дороже», а не буквально, как в латыни, «большой друг»? По-видимому, сработало русскоязычное сознание, «увиденное» в словоформе *дороже* коррелирует не только к *дорогой*, но и к *друг*: их связывает буквальное созвучие [д], [р] и пара [г] – [ж], типичное для русского языка фонологическое чередование, ср. *друг* – *дружеский* и т.п. [Норман 2011: 59]. Но, конечно, такое эстетическое «улучшение» паремии в переводе – это весьма редкий случай. Чаще происходит обратное. Так, латинское *Dum spiro, spero* в русском переводе «Пока дышу, надеюсь» потеряло значительную часть своей формальной выразительности. То же самое можно сказать о принадлежащем Юлию Цезарю афоризме *Veni, vidi, vici* – и его русском эквиваленте: *Пришел, увидел, победил*.

Подтверждается значимость формального сходства слов, в том числе рифмы, и в составе «народных фразеологизмов». В частности, в [Белянин, Бутенко 1994] зафиксированы такие разговорные выражения, как *За «пока» бьют бока; Казак – коленками назад; Молодец как соленый огурец; Рыжий с грыжей; Привет от пары штиблет; Против лома нет приема; Пусто, выросла капуста* и т.п.

Разумеется, в особых дискурсивных условиях (поэтическая речь или рамки лингвистического эксперимента) фонетические связи в тексте дополнительно активизируются и становятся очевидными. Но в принципе явление анафонии (ощущение созвучий) пронизывает всю деятельность говорящего, хотя сам он этого обычно не замечает [Пузырев 2014: 87-95, 154-159 и др.; Векшин 2018 и др.].

Крайний случай – это насыщение фрагмента текста какой-нибудь фонемой. Так, следующий прозаический отрывок инструментован звуками [з] и [с], и остается только вопрос, насколько автор сделал это сознательно, или же это произошло помимо его воли:

...Сон и явь незаметно перетекали друг в друга, смешиваясь, будто в доме Облонских, когда к тем запросто, без звонка и без запонок, этаким фармазоном, заезжал покуражиться замечательный русский мечтатель Обломов (С. Соколов. Тревожная куколка).

В поэтических текстах такое встречается значительно чаще, ср.:

Ты любишь змей, тяжелых злых узлов
Лиловый лоск на дне сухой ложбины...

(В. Набоков. «Как воды гор, твой голос город и чист...»).

Но в прозаической, в том числе разговорной, речи, совершенно обычны случаи, когда звуко-буквенные ассоциации, присутствующие в сознании, реализуются в виде некоторой линейной цепочки слов: первое из них подталкивает говорящего к выбору второго.

Начнем с замечательного фрагмента из письма А.С. Пушкина брату, Л.С. Пушкину. Вводное слово *кстати* в нем – сигнал перехода от одной мысли к другой:

Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Слѣнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и «Талию» Булгарина. Кстати **о талии**: на днях я мерился поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летн. мушины (1-я пол. ноября 1824 г.).

Примеры из современных художественных текстов.

– Подумаешь, искусство, – говорил уязвленный папа, – **рак**овину в уборной починил... Ты вот мне сделай операцию ушной **рак**овины! Или, скажем, трепанацию черепа (Л.Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

– Встречу вел **Замятин**, долго живший в Англии и отлично владевший языком; он и **замял** скандал, с полным соответствием с фамилией (Д. Быков. Был ли Горький?).

Не надо думать о **лишнем** весе. А думать надо о весе **личном** – у каждого он свой, неповторимый, то есть именно тот, каким он наделен (Л. Рубинштейн. Духи времени).

– Поэтому Неклясов и потащил его в лес. Это была акция **устрашения**.

– И **устранения**, – добавил Дубовик. – Он не только заткнул пасть Бильдину, Леонарду, выключил Осоргина... Он и своим уроком преподавал (В. Пронин. Банда-3).

Аналогичные формальные переключки встречаются и в газетных текстах:

Нынешние руссоисты настроены весьма апокалиптически, предполагая непобедимую власть природы, представленную в данном случае **генами**. <...> Другие же, сторонники культуры и социума, утверждают, что что уж не такие они крокодилы эти **гены**, что мы их победим... («Московские новости». 1997. № 14). В последнем случае научный термин *гены* «вытягивает» в сознании известное имя персонажа мультфильма: *крокодил Гена*.

За рулем иностранец в России может ездить лишь при одном условии – не по работе, а как частное лицо на личной или взятой **напрокат**, например, машине. Но в такси, на автобусе или грузовике это **не прокатит** («Комсомольская правда». 03.06.2017). Здесь наречие *напрокат* определяет в дальнейшей последовательности выбор разговорного выражения *не прокатит*, т.е. “не пройдет, невозможно”.

А в следующем отрывке из стихотворения нобелевского лауреата Иосифа Бродского вполне обычное слово *завоеватель* провоцирует создание окказионального *завыватель*, а то, в свою очередь, порождает ассоциацию *забыватель*:

По утрам, когда в лицо вам никто не смотрит,
я отправляюсь пешком к монументу, который отлит
из тяжелого сна. И на нем начертано: Завоеватель.

Но читается как «завыватель». А в полдень – как «забыватель»

(«Элегия»).

Понятно, что если бы не исходное звено ассоциативной цепочки *завоеватель*, то и окказиональные отглагольные *завыватель* и *забыватель* вряд ли возникли бы. Формальные созвучия ведут говорящего, тем более если он – поэт...

В описанных нами фактах речи сталкивается несколько тенденций. С одной стороны, перед нами – уже упомянутое проявление нейрофизиологической инерции, опоры на только что сказанное, – то есть, в каком-то смысле экономия языковых усилий. С другой стороны, мы признаем за говорящим право «всерного» поиска нитей, развивающих сюжет, продолжающих монолог или диалог. Иногда такие находки более удачны, иногда – менее, но очевидно, что автор часто не в силах противостоять этому прессингу созвучий. Еще один пример:

...И теперь во второй строфе мы наконец добираемся до кошки на ул. Кораблестроителей, где всеми мыслимыми выпуклостями, впадинками, пушками между лопаток и ямочками предоставляем заниматься тем, кому не дают покоя литературные **лавры** (**литавры**) «Лолиты»» (В. Гандельсман. Разрыв пространства).

Слова *лавры* и *литавры*, конечно, созвучны. Но если сочетание *литературные лавры* «Лолиты» (и ее создателя Набокова) выглядят вполне естественно, то «литавры «Лолиты»» (или Набокова) требуют дополнительной работы читательской фантазии и активизации его языковой компетенции.

Нетрудно заметить, что в некоторых из приведенных выше цитат формальные (звуко-буквенные) переключки сопровождаются словообразовательными изменениями: *Замятин – замять*, *напрокат – прокатить* и др. Действительно, единицы фонемного и морфемного уровней в процессе текстопроизводства взаимодействуют. Подтвердим это еще двумя примерами.

...Ежели мотылек рождается для полета, то личность – для счастья. Ты **не личность**, роняет он, ты – **личинка** (С. Соколов. Тревожная куколка).

Эсфирь. ...И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту **заявку... заявление...** да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! (Л. Улицкая. Мой внук Вениамин).

Неудачный выбор слова, спровоцированный созвучием, может быть расценен говорящим как обмолвка или описка – и тогда последние подлежат устранению, коррекции, ср.:

Купив без очереди кружку пива, Социолог предпринял попытку внедриться в какую-нибудь питейную группу и начать конкретное исследование путем профессионально разработанного **допроса**... тьфу, черт возьми, эту дурную привычку,.. **опроса** (А. Зиновьев. Зияющие высоты).

– Значит, так, Михаил Павлович, ручку в зубы – и новый протокол делать **с исправленными исправлениями**... тьфу ты, начитался твоих афоризмов! – **с исправленными недостатками** (А. Кивинов. Обнесенные «Ветром»).

Как мы уже могли заметить, излюбленной сферой для фонетических корреспонденций является художественная литература (особенно – поэтические тексты), фольклор, языковая игра во всех ее жанрах, ср.: [Пузырев 2014: 181-187]. Существенно, что опора на созвучие легко приводит тут к кардинальному изменению значения слова. Приведем и прокомментируем несколько разнородных примеров.

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... **Я играл** в ней могильщика.

Клещ (выходя из кухни). Ты с метлой **играть** скоро будешь? (М. Горький. На дне).

Понятно, что *играть* в ответной реплике употреблено в окказиональном переносном значении: «работать», «махать», «подметать» и т.д. И выбор именно этого глагола спровоцирован предыдущей репликой.

– Как же вас изволите величать? – рассердился комиссар.

– **Тро-гло-диты!** – хором отвечал зал.

– Как? **Крокодилы?** – сказал комиссар. – Ну, ша! Считаю, уже время кончить... И точка (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрана). Слово *троглодиты*, незнакомое и непонятное, комиссар заменяет на более понятное ему и фонетически близкое *крокодилы*. Естественно, значение последней лексемы при этом в корне меняется.

– Ах, так?! **Космополит!** – крикнул Тетеря, толкая стол.

– **От косматого** слышу! Чучело четвероногое! (Т. Толстая. Кысь). Собеседник, очевидно, не знает слова *космополит*, но по ситуации (и по интонации) понимает, что это оскорбление. И

отвечает не вполне адекватным по смыслу, но фонетически близким словом *косматый*...

Перед отъездом, болтаясь с Игорем по Москве, мы посмотрели фильм **Кавалеровича «Поезд»**. Довольно искусственная, но красивая штука, с достаточной долей любви и приключений.

– А сейчас нам будет такой «Поезд»! Такой **Кавалерович!** – издевался Игорь, когда мы шли на вокзал (В. Попов. Поиски корня).

Здесь повторные, в реплике персонажа, *поезд* и *Кавалерович* означают «что-то неожиданное», «сюрприз», «кошмар», «облом».

Я, как военный пенсионер, получал 450 долларов. Потом пенсия упала до 200, и до сегодняшнего дня ничего не восстановилось. А моя жена сказала: никаких **банков!** Дома у нас **банка!** Мы помним, как **банки** зашатались, а несколько банкиров срочно уехали в Израиль и не вернулись («Комсомольская правда». 22-28.03.2012). Созвучие слов *банк* “финансовое учреждение” и *банка* “сосуд” создает в этом контексте основу для каламбура, для игры слов.

Хотя основу для фонетических корреспонденций в сознании составляют в первую очередь согласные звуки (как более редкие и более дифференцирующие), нельзя также полностью сбрасывать со счетов и слоговую структуру слова и даже, в редких случаях, интонационную – высказывания. Последнее касается ритмических контекстов – поэтических, песенных. Приведем для иллюстрации один пример:

...Смех обуял одного приятеля, когда он ехал в такси и услышал по рации отрывок разговора некоего неведомого и невидимого водителя с не менее невидимым диспетчером. **«МКАД забит,** – раздался из рации деловитый голос. – **Я съехал на Рублевку»**. «Чего это вы смеетесь?» – с некоторой, вполне, впрочем, объяснимой, подозрительностью, спросил таксист (Л. Рубинштейн. Знаки внимания). Фраза *МКАД забит, я съехал на Рублевку* так напоминала для знающего человека строки Бориса Пастернака: *Гул затих. Я вышел на подмостки...*, что трудно

было удержаться от улыбки. Фонетика работает и в таких масштабах!

В стилистике и риторике существует такое понятие – паронимазия. Это «фигура речи, состоящая в (комическом или образном) сближении паронимов в речи, в стилистическом использовании звукового или семантического подобия употребляемых слов» [Ахманова 1969: 313]. Это значит – одной своей стороной паронимазия обращена к паронимии, т.е. к неосознанному, случайному смешению похожих слов в сознании. С другой стороны, она связана с художественными приемами, с антитезой, со словесной игрой. И уж самое непосредственное отношение она имеет к теории речевой деятельности, к механизмам текстопроизводства и текстовосприятия.

Факты, рассмотренные в данной статье, занимают разное место на шкале осознанности речевых действий. В каких-то случаях говорящий неосознанно выбирает новое слово под влиянием уже употребленной лексемы, не замечая между ними звуковой переклички. Это то, что мы называли нейрофизиологической инерцией речемыслительного акта. Но в других случаях человек пользуется звуко-буквенными ассоциациями преднамеренно, в расчете на получение нового смысла и развитие текста. Тогда перед нами – художественный прием. Паронимы более или менее поддаются инвентаризации, их можно представить списком (существуют словари паронимов). Случаи же паронимазии бесконечно разнообразны и потому учету не поддаются. В данном речевом фрагменте креатив не знает пределов.

В целом проанализированные факты говорят о том, что порождение текста – многоканальный процесс, и «зубчики механизмов» на одном уровне цепляются за зубчики другого. Синтаксис «тянет» за собой лексику, лексика – фонетику, а та, в свою очередь, обладает способностью влиять на выбор очередных номинаций.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 1969.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М., 1989.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М., 1994.

Векшин Г.В. Фоносиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 49-74.

Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1957.

Ермолаева Л.С. Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания / Под ред. Т.А. Дегтеревой. – М., 1960. – С. 47-85.

Коптев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. – Хельсинки, 2008.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.–СПб., 2003.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975.

Норман Б.Ю. О тавтологии и смежных явлениях // Проблемы лингвистики текста. Probleme der Textlinguistik. Совместный труд лингвистов партнерских университетов в Минске и Бохуме. – Минск, 1991. – С. 225-235.

Норман Б.Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. Вып. 2 / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. – М., 2004. – С. 246-256.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. – Минск, 2011.

Норман Б.Ю. Лексический повтор как дискурсивная тактика // Лингвистика креатива. Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009. – С. 230-244.

Пузырев А.В. О системном подходе в лингвистике. – М., 2014.

Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. – С. 67-82.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Сост. и ред. Ю.С. Степанов. – М., 1983. – С. 462-482.

Bordag D. Modely řečové produkce v současné psycholingvistice // Slovo a slovesnost. № 66. 2005. – S. 180-193.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen, 1975.

REFERENCES

Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. – М., 1969.

Ahutina T.V. Porozhdenie rechi. Nejrolingvisticheskij analiz sintaksisa. – М., 1989.

Belyanin V.P., Butenko I.A. Zhivaya rech'. Slovar' razgovornyh vyrazhenij. – М., 1994.

Vekshin G.V. Fonosillabema – elementarnaya operacional'naya edinica tvorcheskoj yazykovoj sposobnosti (poeziya, detskaya rech', yazykovaya igra) // *Lingvistika kreativa-4. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T.A. Gridinoy.* – Ekaterinburg, 2018. S. 49-74.

Dal' V. Poslovicey russkogo naroda. – M., 1957.

Ermolaeva L.S. Neogumbol'dtianskoe napravlenie v sovremennom burzhuaznom yazykoznanii // *Problemy obshchego i chastnogo yazykoznanija / Pod red. T.A. Degterevoy.* – M., 1960. S. 47-85.

Kopotev M. V. Principy sintaksicheskoy idiomatizacii. – Hel'sinki, 2008.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. – M.–SPb., 2003.

Luriya A.R. Osnovnye problemy nejrolingvistiki. – M., 1975.

Norman B.Yu. O tautologii i smezhnyh yavleniyah // *Problemy lingvistiki teksta. Probleme der Textlinguistik. Sovmestnyj trud lingvistov partnerskih universitetov v Minske i Bohume.* – Minsk, 1991. S. 225-235.

Norman B.Yu. Kognitivnye aspekty paremiologii i nacional'naya kartina mira v slavyanskih yazykah // *Slavyanskij vestnik. Vyp. 2 / Pod red. N.E. Anan'evoj i Z.I. Karcevoj.* – M., 2004. S. 246-256.

Norman B.Yu. Osnovy psiholingvistiki. – Minsk, 2011.

Norman B.Yu. Leksicheskij povtor kak diskursivnaya taktika // *Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. T.A. Gridina.* – Ekaterinburg, 2009. S. 230-244.

Puzyrev A.V. O sistemnom podhode v lingvistike. – M., 2014.

Shvedova N.Yu. K izucheniyu russkoj dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory // *Voprosy yazykoznanija.* 1956. № 2. S. 67-82.

Yakobson R. Poeziya grammatiki i grammatika poezii // *Semiotika / Sost. i red. Yu.S. Stepanov.* – M., 1983. S. 462-482.

Bordag D. Modely řečové produkce v současné psycholingvistice // *Slovo a slovesnost.* № 66. 2005. S. 180-193.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen, 1975.

©Норман Б.Ю., 2020

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Адрес: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: boris.norman@gmail.com

Norman Boris Yustinovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Belarus)